

ной французской историографии по развенчанию «тевтонского мифа». В необходимости качественных, грамотных публикаций убеждает нас А.П. Бахтин, сделавший критический разбор русского перевода книги А. Богдана «Тевтонские рыцари» [3]. Описания же тех направлений научной жизни Калининградского региона, которые связаны с изучением «тевтонского феномена», позволяют надеяться на скорый прорыв в этом направлении.

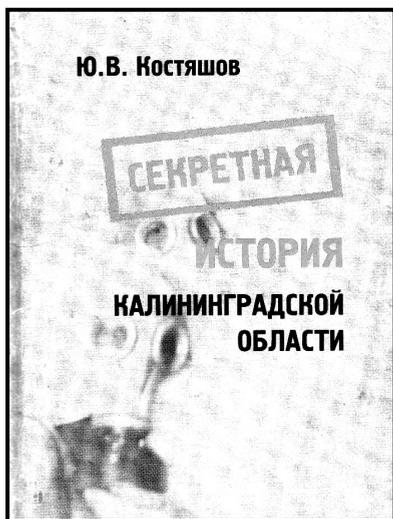
Список литературы

1. Матузова В.И. Средневековый Немецкий орден в современной международной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002. М., 2004. С. 296–310.
2. Gonczarow W.W., Matuzowa W.I. Badania nad zakonem krzyżackim w historiografii rosyjskiej (1995–2005) // Zapiski historyczne. 2006. T. 71. Z. 4. S. 114.
3. Богдан А. Тевтонские рыцари / пер. А.И. Вишневого. СПб., 2008.

М. Б. Бессуднова,

*канд. ист. наук, доц. кафедры всеобщей истории
Липецкого государственного педагогического университета*

Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области: очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.

Рецензируемая книга – результат многолетних исследований доктора исторических наук, профессора БФУ им. И. Канта Ю.В. Костяшова. Перестройка в СССР привела к открытию многих ранее засекреченных фондов центральных и местных архивов. Отсюда и название – «Секретная история». Автору удалось обнаружить и ввести в научный оборот интересные по содержанию архивные материалы по истории области. К сожалению, эта радость омрачается современным положением вещей, когда уже открытые архивные фонды повторно начинают засекречивать. Ю.В. Костяшов первоначально публиковал результаты своих исследований в виде отдельных статей, однако во введении к книге особо оговаривается, что все вышедшие ранее работы «были заново отредактированы, исправлены и дополнены новыми материалами, а около трети очерков написаны специально для этого издания и впервые представляются на суд читателей» (с. 4).

Книга хорошо фундирована: в ней использованы документы из семи архивов, а на 326 страниц текста приходится 629 сносок. Справочный аппарат «Секретной истории» соответствует лучшим научным об-

разцам; она снабжена списком сокращений, указателем имен, указателем географических названий, библиографией работ автора по истории края, избранной библиографией по истории становления Калининградской области в 1945–1956 гг. Правда, в списке сокращений отсутствует упоминание ЦАМО (Центрального архива Министерства обороны), хотя на него в тексте есть сноска (с. 165, сноска 352). Впрочем, это единственная ошибка, которую удалось обнаружить рецензенту. Книга иллюстрирована разножанровыми фотографиями, факсимиле архивных документов и пропагандистских изданий тех лет, которые передают «аромат эпохи».

Книга Ю. В. Костяшова написана в форме очерков. Она не структурирована подобно классическому научному труду, не имеет общего плана, впрочем, как не имели общего плана советские цензоры, засекретившие огромный пласт информации об истории Калининградской области на долгие годы. Поэтому складывается впечатление, что именно найденные автором архивные документы определили структуру книги. Несомненно, исследователь шел за материалом, хотя, можно предположить, что некоторые научные гипотезы были сформулированы им заранее. Автор так обозначил разделы книги: I. Изгнание прусского духа: как формировалось историческое сознание калининградцев в послевоенные годы; II. Заселение и депортация; III. Власть и общество; IV. Идеология и пропаганда. При этом ему удалось сочетать доказательное научное исследование и живую подачу материала. Форма очерков выгодно отличает книгу, что позволяет надеяться на массовый интерес жителей области (да и не только) к этому изданию.

Автор на примере разнообразных по происхождению и форме документов показывает безрадостную картину негативного отношения советских властей, советской пропагандистской машины к прусско-немецкому историко-культурному наследию, прежде всего в первые послевоенные годы. Особенно полезно прочитать эту главу представителям молодого поколения, в глазах некоторых из них сталинский период истории страны имеет романтический ореол.

Мы не устаем восхищаться Гданьском, Торунем, Эльблонгом, Ольштыном и людьми, сохранившими и восстановившими свои исторические центры — «стары грады», замки и кирхи, а замок Мальборк — одно из любимейших мест посещения не только поляков, но и туристов из других стран Европы. Автор приходит к неутешительному выводу: «Переселенцы-поляки, а частично и литовцы, сумели без предубеждения воспринять новую среду обитания, адаптироваться в ней, освоить складывающийся веками уклад жизни и способы хозяйствования коренных жителей края, поддержать многие исторические традиции, сохранить старые памятники культуры. Обустройство новоселов проходило у наших соседей без тотального отвержения чужого опыта... На таком сравнительно благополучном фоне до недавнего времени явный контраст представляла российская часть бывшей Восточной Пруссии» (с. 6–7).

Ю. В. Костяшов констатирует, что вектор такого отношения к Кёнигсбергу и Восточной Пруссии был задан еще во время войны. Причем в описании города и его жителей употреблялась крайне агрессив-

ная риторика: «Кёнигсберг — это история преступлений Германии. Всю свою многовековую жизнь он жил разбоем...», «центр самого реакционного в мире юнкерского пруссачества; центр, где вынашивались человеконенавистнические теории и захватнические планы...», «мрачный город-крепость, возведенный тевтонскими псами-рыцарями», «фабрика войн» и т.д. (с. 10). В таком же духе описывались другие восточнопрусские города, даже курорты Кранц (Зеленоградск) и Раушен (Светлогорск). К сожалению, такая риторика сохранилась и в послевоенное время. Несмотря на присоединение области к СССР, военные трофейные команды относились к городу как к добыче. Пример военных оказывал негативное влияние на многих из первых переселенцев. До сих пор большинство из сотен немецких сельских кирх находится в разрушенном состоянии, и пострадали они не от авианалетов или артиллерийских обстрелов, а в результате разбора на кирпичи новыми жителями области.

Автор приводит яркие примеры идеологической пропагандистской истерии и шпиономании, которые навязывались жителям Калининградской области в первое послевоенное десятилетие. Специфика региона заключалась в том, что эта пропаганда усиливалась разжиганием подозрительности к оставшемуся немецкому населению: «шпионаж, диверсии, саботаж, вредительство, распространение антисоветских прокламаций...» (с. 18–19). Кроме того, в сознание переселенцев внедрялся образ новой родины как «осажденной крепости», что приводило к распространению слухов о предстоящей войне.

В книге показано, как центральные и местные власти пытались подчинить историю задачам идеологической пропаганды. Например, лекторам-пропагандистам была дана установка, что эта территория — древняя славянская земля, а некоторые из них договаривались до того, что «на этих землях жили предки советского народа» (с. 24). До 1956 г. история края вообще не изучалась, при этом калининградские учителя на курсах переподготовки прослушивали лекции такого экзотического содержания, как, например, «Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля» (с. 31). Архитекторы предлагали полностью изменить облик Калининграда, а новые власти начали активную работу по заготовке кирпича «для восстановления разрушенных во время войны советских городов» (с. 47). Начальник областного отдела по делам архитектуры П.В. Тимохин вообще предложил создать специальный трест по разборке зданий, что позволило бы ежегодно собирать 400 млн кирпичей. «К счастью, инициатива калининградского архитектора не получила поддержки в Москве», — констатирует автор (с. 48).

Калининградская область в числе прочих регионов разделила судьбу страны. Борьба с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом в области усиливалась борьбой с немецким наследием. При этом историк отмечает, что были исключения из правил, особенно что касается использования хозяйственного опыта немцев в промышленности, коммунальной сфере, на транспорте и в сельском хозяйстве.

Много нового читатель узнает о процессе заселения области и депортации коренного населения: государственные планы по переселению, вербовка, мотивация мигрантов, переезд, встреча, статистика об-

ратничества. Автору удалось даже поработать в Государственном архиве Воронежской области, а ведь именно оттуда в Калининградскую область прибыло наибольшее количество мигрантов. Искушенный читатель вспомнит, что подобные сюжеты он уже встречал в книге «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев» (Калининград, 2003), однако исследование Ю. В. Костяшова дополняет их новыми фактами и наблюдениями. Наибольший интерес представляет публикация секретных документов отдела спецпоселений МВД СССР, информаторов ЦК ВКП(б) и «Особой папки» Лаврентия Берии, из которых мы узнаем о реальных (а не газетных, пропагандистских) настроениях переселенцев, характере и масштабах цензуры и политической слежки за населением. Оригинально (в форме словаря) написана статья «Из лексикона эпохи позднего сталинизма», из которой становится понятно, кто такие «деловые поросята», «надсмотрщики», «околоколхозники» и «члены-соревнователи», что такое «живность ребенка», «зажеребляемость» и «чекизация».

«Секретная история» охватывает множество тем и сюжетов. Читатель может проследить, как происходило переименование населенных пунктов, выяснить, какие трудности возникали при восстановлении экономики области, узнать об адаптации переселенцев, об особенностях организации их быта, в том числе и национальных, региональных. В книге рассказывается о том, как осуществлялась передача власти от военных к гражданским чиновникам, как в реальности формировался номенклатурный аппарат области и какие привилегии обеспечивали ему более высокий уровень жизни, особенно на фоне голода зимы 1946–1947 гг. В ней содержатся ответы на вопросы: зачем в область приезжала комиссия А. Н. Косыгина, почему застрелился секретарь Калининградского обкома ВКП(б) П. А. Иванов, что представлял собой «великий Сталинский план восстановления и развития Калининградской области» (с. 260) и «Кто спас могилу Иммануила Канта от разрушения?» (с. 42–45). Надеюсь, будущие читатели этой книги получают такое же удовольствие от знакомства с ней, какое получил автор этих строк.

*А. А. Ярцев,
д-р ист. наук,
проф. кафедры истории России БФУ им. И. Канта*